Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (23), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-182-209
https://elibrary.ru/EMWZZY

© 2023. Анастасия Гачева
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

О Татьяне Касаткиной, субъект-субъектном методе и «реализме в высшем смысле»

© 2023. Anastasia G. Gacheva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

About Tatiana Kasatkina, From-Subject-To-Subject Method, and "Realism in the Highest Sense"

Информация об авторе: Анастасия Георгиевна Гачева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-5453-0881
E-mail: a-gacheva@yandex.ru

Аннотация: Статья, посвященная юбилею выдающегося российского достоевиста, филолога, философа, педагога Татьяны Александровны Касаткиной, представляет собой размышление на полях ее теоретических и историко-литературных работ. С 1990-х годов Татьяна Касаткина спорила с «позитивизмом» в филологии, отстаивая право литературоведа на религиозное мышление и демонстрируя его значимость для гуманитарных наук. Вызванная книгой «Характерология Достоевского» полемика «о религиозной филологии» была разрешена делом: творческая работа Татьяны Касаткиной, посвященная статусу слова в художественном мире Достоевского, структуре образа, авторской позиции, проблемам чтения и восприятия его произведений продемонстрировала продуктивность предложенного ею субъект-субъектного метода исследования и понимания текста. Татьяна Касаткина показала, что художественный метод Достоевского, который он определял как «реализм в высшем смысле», основан на религиозном миросознании и предполагает неразрывность образа и Первообраза.

Ключевые слова: филологическая деятельность Татьяны Касаткиной, позитивизм в филологии, религиозная филология, субъект-субъектный метод, творчество Ф.М. Достоевского, «реализм в высшем смысле», теория и практика чтения.

Для цитирования: *Гачева А.Г.* О Татьяне Касаткиной, субъект-субъектном методе и «реализме в высшем смысле» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 182–209. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-182-209

Information about the author: Anastasia G. Gacheva, DSc in Philology, Head Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-5453-0881

E-mail: a-gacheva@yandex.ru

Abstract: The article, dedicated to the anniversary of the prominent Russian literary scholar, philologist, philosopher, and educator, Tatiana A. Kasatkina, represents an overview on the sidelines of her theoretical and historical-literary works. Since the 1990s, Tatiana Kasatkina has engaged in a dispute with "positivism" in philology, defending the rights of literary scholars to religious thinking and demonstrating its significance for the humanities. The controversy over "religious philology" sparked by her book was resolved in practice: Tatiana Kasatkina's creative work, dedicated to the status of words in Dostoevsky's artistic world, the structure of the image, the author's position, problems of reading, and perceiving his works, demonstrated the productivity of her "from-subject-to-subject" method of research and understanding of the text. Tatiana Kasatkina showed that Dostoevsky's artistic method, which he defined as "realism in the highest sense," is based on a religious worldview and implies the inseparability of the image and the Archetype.

Keywords: Tatiana Kasatkina's philological work, positivism in philology, religious philology, from-subject-to-subject method, Fedor Dostoevsky's work, "realism in the highest sense," theory and practice of reading.

For citation: Kasatkina, T.A. "About Tatiana Kasatkina, From-Subject-To-Subject Method, and 'Realism in the Highest Sense'." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (23), 2023, pp. 182–209. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-182-209

Начну с небольшой личной преамбулы. Май далекого 1992 года. Старорусские чтения «Достоевский и современность». Выступает Татьяна Касаткина. Тоненькая, светловолосая, с волосами до плеч. Она читает доклад «Хорошее отношение к лошадям» — о знаменитом сне Раскольникова в «Преступлении и наказании».

Опираясь на одну — всего лишь одну — романную сцену, но при этом, согласно принципу герменевтического круга, рассматривая ее в свете целого, разбивает социологическую трактовку романа, привычное представление о Достоевском как о «певце униженных и оскорбленных» и переводит проблематику «Преступления и наказания» в религиозный контекст, выдвигая в центр внимания взаимоотношения между Богом и человеком. А следующим шагом ставит под сомнение справедливость бунта «усиленно-сознающих» героев писателя — Раскольникова и Ивана Карамазова, подчеркивая, что их вызов Богу рождается из их собственной картины действительности и не отражает ни реального состояния мира, ни причин господствующего в нем зла, ни истинного отношения Бога к миру и человеку, см.: [Касаткина, 1993].

Доклад вызвал бурные споры. Причем эти споры, при всей их обставленности литературоведческой терминологией, разворачивались так, словно речь шла не о художественном произведении и его профессиональном разборе, а о происходящем здесь и сейчас, более того — напрямую затрагивающем каждого из приехавших на конференцию.

То, что тогда происходило со спорившими по поводу художественного текста, можно описать собственными словами Татьяны Касаткиной из введения к ее книге «Характерология Достоевского»: «<…> ему (Достоевскому. — *А. Г.*) удалось то, что не удавалось почти никогда даже самым великим его собратьям — написать именно о каждом из нас, никого не забыв и не пропустив» [Касаткина, 1996, с. 3]. Так же по-достоевски она выстраивала и саму книгу, подчеркивая, что, несмотря на тяжеловесность заглавия, это книга «не только о Достоевском, но и о каждом из нас» [Касаткина, 1996, с. 3].

Этот участный и причастный взгляд на реальность, обоснованный позднее в статье Татьяны Касаткиной о субъект-субъектном методе чтения [Касаткина, 2017], [Касаткина, 2018], где работа с текстом оказывалась одновременно взаимодействием с человеком, миром и Богом, поражал не только своей непохожестью на застегнутый на все пуговицы пресловутый объективный подход, но и тем, что попадал точно в цель. Несмотря на дежурные упреки в субъективности, в излишней личной вовлеченности в проблему исследования, именно субъект-субъектный метод оказывался ключом и к пониманию самой проблемы, и к вхождению в мир Достоевского.

Христианские основания субъект-субъектного метода, его укорененность в Христовом слове ученикам: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13:34), в Первосвященнической молитве Спасителя «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино» (Ин. 17:21), возводящей человека и человечество, всю систему межчеловеческих, и не только межчеловеческих, взаимоотношений и связей к подлинной Божеской норме, к неслиянно-нераздельному, питаемому любовью единству Божественных Лиц, для сталкивавшихся с этим методом впервые были очевидны далеко не всегда. Точнее — вовсе не очевидны. Статьи и книги Татьяны Касаткиной, демонстрировавшие, как работает метод, сбрасывали пелену непонимания, избавляли от слепоты, учили видеть в глубине «насущного видимо текущего» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 145] подлинную, Божескую норму вещей [Касаткина, 2015a], [Касаткина, 2019], [Касаткина, 2023]. Они делали для читателей и исследователей творчества Достоевского то, что он сам делал сначала для своей эпохи, а затем для безрелигиозного и беспамятного двадцатого века: были «путеводителем ко Христу для не читавших Евангелия» [Касаткина, 2015b] или когда-то читавших, но основательно его забывших, вытеснивших на периферию сознания, а если и обращающихся к образам и сюжетам Нового завета, то как Степан Трофимович Верховенский, который «освежает» для себя евангельскую историю по Ренану, — в одном из своих интервью Татьяна Касаткина назвала этот взгляд взглядом «сбоку» [Касаткина, 2015b].

Татьяна Касаткина смотрит не сбоку, а прямо и в ту главную точку, которая была средоточием мысли и творчества Достоевского, ставящего в центр художественной Вселенной Христа, Второе Лицо Троицы, Христа-Богочеловека, воплотившегося и воскресшего, открывшего каждому из рожденных перспективу фаворского преображения. Она настраивает свой ум и сердце так, как это сделал Достоевский на каторге, где единственной его книгой было Евангелие. С отсылки к этой собеседе Достоевского с Евангелием как к фундаменту всего дальнейшего разговора начинается ее первая книга «Характерология Достоевского», посвященная теме, казалось бы, привычной для филологической науки, — типологии характеров писателя. Но непривычен, почти *скандален* для позитивистски ориентированной мысли, не допускающей вторжения в исследовательский процесс никакого религиозного измерения, оказывается

постулируемый Татьяной Касаткиной критерий оценки характеров в художественном мире Достоевского. Они предстают как различные этапы «движения человеческой природы», различные формы самоопределения человека перед лицом Творца мира, присутствующего в творениях Достоевского «как единая основа для множественности человеческих типов, которую без такой основы нельзя ни понять, ни воспроизвести» [Касаткина, 1996, с. 6].

События в художественном мире писателя совершаются не в одномерно-социальной, не в двумерной социоприродной, а в трехмерной системе координат, которую современник Достоевского, философ Николай Федоров в работе «Супраморализм» обозначил трехчленом «Бог, человек и природа» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 388]. А это значит, что филолог, приступающий к текстам писателя, не может не учитывать их религиозного измерения, не может, движимый требованием оставаться в рамках научно-рационального подхода, просто взять и отбросить «гипотезу Бога». Татьяна Касаткина неоднократно подчеркивала, что подобная операция чревата искажением и образа мира, и образа человека, что она не только не облегчает пути к пониманию, но делает само понимание заведомо невозможным. То же, что в таких случаях принимается за понимание, есть лишь *иллюзия понимания*, но никак не то проникновение в суть и глубь, которое возникает, стоит лишь исследователю или читателю допустить в свое взаимодействие с автором Третьего, во Имя и под покровом Которого, в сущности, и совершается эта встреча.

С самых первых своих статей и публичных выступлений Татьяна Касаткина настойчиво вводила религиозное измерение в работу филолога, узаконивала его присутствие в гуманитарном знании, в диалоге исследователя с художественным текстом и одновременно подчеркивала разницу между позитивистски ориентированным, релятивистским подходом, признающим «*множественность* истин», но не стремящимся понять, «составляют ли они или нет, в конце концов, Одну Истину» [Касаткина, 2001a, с. 463], и «религиозным мышлением», которое, будучи не менее внимательным к художественной детали, системе мотивов, композиции, языку — всему тому, что составляет привычное поле филологического знания, — рассматривает их не в их самотождестве, а в их тяготении «к центру (Богу)», более того, из этого центра «стремится увидеть и обозреть всю целостность мироздания в ее единстве» [Касаткина, 2001a,

с. 463]. Что же касается творчества Достоевского, то для подступа к нему настрой исследовательского глаза, даваемый религиозным мышлением, особенно важен, ибо подобным же образом был настроен и его собственный писательский глаз. Достоевский, подобно Аврааму, ходил перед Богом, жил и творил в реальности Богоприсутствия. И если пишущий о литературе живет и творит с верой в то, что «Слово плоть бысть» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 188], то он получает шанс стать Вергилием по художественной вселенной писателя, а не слепым поводырем, ведущим слепых.

Книги и статьи Татьяны Касаткиной, поражающие глубиной проникновения в авторский замысел, образную систему, стиль Достоевского, умением увидеть в перспективе целого каждую малую деталь, стали прямым свидетельством того, как раздвигается горизонт видения и понимания текста, коль скоро читающий допускает в него Бога. Вспомним статью «Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского», демонстрирующую, что каждый из романов «великого пятикнижия» на своих последних страницах венчается словесной иконой, дающей ключ не только к трактовке финала, но и ко всему произведению как смысловой и художественной целостности [Касаткина, 1996, с. 227–292]. Или статью «Два солнца в романе Ф.М. Достоевского “Подросток”», где показано, что мотив заходящего солнца, неоднократно привлекавший внимание достоевистов, наполняется у Достоевского противоположными смыслами в зависимости от того, какими глазами на это солнце смотрит герой и соответственно какой мир освещают его косые лучи: обезбоженный, бессмысленный, вверженный во власть энтропии или мир, в центре которого Христос — «Солнце правды, умирающий, чтобы воскреснуть, гаснущий затем, чтоб из гроба воссиял свет и просветил всю темную мглу» [Касаткина, 2004, с. 444].

О том, с каким сопротивлением утверждалось в профессиональной среде это введение в литературоведение «религиозного способа мышления о мире» [Касаткина, 2001а, с. 463], свидетельствуют и полемика о «религиозной филологии», развернувшаяся в конце 1990-х — начале 2000-х годов, старт которой дала рецензия С.Г. Бочарова на книгу «Характерология Достоевского» [Бочаров, 1997], дополненная затем в его книге «Сюжеты русской литературы» обширным постскриптумом [Бочаров, 1999, с. 574–600], и споры вокруг коллективной монографии «Роман Ф.М. Достоевского “Идиот”: современное состояние изучения», где привычный этиче-

ский и гуманистический пафос, десятилетиями торжествовавший в интерпретации образа князя Мышкина и смысла романа, был взят под сомнение, где был предложен иной — религиозно-онтологический поворот темы «Идиота» и содержательным центром произведения (как и посвященной произведению книги) заявлен вопрос: «<…> может ли самый “положительно прекрасный” человек устроить “рай на земле”, если он только лишь “положительно прекрасный” человек?» [Касаткина, 2001c, с. 3].

Сергею Георгиевичу Бочарову, выступившему в защиту самоценности филологической науки, казалось настоящим «скандалом» утверждение Татьяны Касаткиной об искусстве как «пути, проводнике и посреднике» [Касаткина, 2001b, с. 472]. Для ученого это было обесцениванием искусства, низведением его на роль ancilla teologiae [Бочаров, 1999, с. 588]. Но для самой Татьяны Касаткиной этот статус искусства отнюдь его не умалял. Искусство как «путь, проводник и посредник» — это высшее оправдание искусства, утверждение его как орудия Божественного действия, ибо Бог действует в мире через человека, через его творческие энергии, раскрывается в его свободе.

Посткриптум С.Г. Бочарова был направлен не только против книги «Характерология Достоевского», но и против статьи В.С. Непомнящего «Феномен Пушкина в свете очевидностей», где ставился вопрос не просто о законности, но об абсолютной необходимости религиозного метода в филологии. Характеризуя состояние науки о Пушкине и делая его поводом к разговору о современном состоянии гуманитарного знания, В.С. Непомнящий указывал на опасность эмпиризма, накапливающего огромное количество фактов, но неспособного пробиться к смыслу, потому что этот смысл выходит за пределы эмпирики, не извлекается из горизонтального измерения реальности, из бытия, замкнутого в самом себе, но требует вертикали религиозного опыта. Как и Татьяна Касаткина, которая в статье «О литературоведении, научности и религиозном мышлении» подчеркивала, что для науки о литературе необходима «другая научность», Валентин Непомнящий заговорил о радикальном изменении статуса филологии, расширении объема понятия, которое не исчерпывается лежащим в его корне определением «логоса»-«слова» как «единицы речи»:

> <…> в эпоху, эсхатологичность которой уже не предмет убеждений, даже веры, а просто непосредственная данность, когда

> самые актуальные проблемы суть проблемы глобальные, из них же главная: сохранит ли человек свои изначальные родовые качества как существа вертикального, то есть руководствующегося не только интересами, но и идеалами, — в такую эпоху настала пора вспомнить изначальный, полный и истинный смысл слова *логос*, означающего, как известно, и слово, и смысл, и разум, и закон, и творящую силу, организующий принцип и т. п., — и соответственно истолковать высокое назначение занятий филологией [Непомнящий, 1998, с. 196].

В другой своей статье — «О горизонтах познания и глубинах сочувствия», краткая версия которой вышла в журнале «Новый мир» в 2000 году, а полная была напечатана в составе подборки материалов полемики о религиозной филологии в книге «Литературоведение как проблема», — В.С. Непомнящий, отвечая на упреки С.Г. Бочарова в «демонстративной ненаучности», «идеологичности», претензиях на истину в последней инстанции, предъявляемые ученым к «религиозной филологии», отстаивал право филологического знания на постижение аксиологической составляющей русской литературы, на рассмотрение ее как «духовного феномена» и со своей стороны приходил к выводам, которые звучали и неоднократно еще прозвучат в статьях Татьяны Касаткиной: о субъект-субъектном отношении к слову, о диалоге со словом, который ведет филология и который «с христианской точки зрения» разворачивается «не в пустом или “научно” нейтральном пространстве, а перед лицом истинного Субъекта бытия: каждое слово человека изречено (скажем, писателем) или изрекается (скажем, исследователем) перед лицом Слова, без которого “ничто (в том числе и человеческое слово. — *В. Н.*) не начало быть” (Ин. 1:3)» [Непомнящий, 2001, с. 530].

Валентин Непомнящий и Татьяна Касаткина предостерегали от неизбежной смысловой редукции, которая подстерегает исследователя, относящегося к слову писателя как к объекту, препарируемому литературоведом-вивисектором, вооружившимся всем возможным филологическим инструментарием. Ибо литература, как и слово о литературе, имеет непосредственное отношение к человеку и его судьбе, к судьбе мира и всякой твари. Писатель самим способом изображения реальности превращает ее в ад или рай, но может и открыть пути к исходу из ада, к преображению бытия в райский сад («золотой век в кармане»). И филологу важно разглядеть этот путь, пройти его вместе с читателем. А это значит, что ему нельзя обой-

тись без диалога с автором и его текстом в присутствии Бога — не как арбитра и судии, а как милосердного Отца, любящего своих чад, радеющего о спасении каждого человека. И потому нужна вертикаль, та самая религиозная вертикаль, которую так третирует блюдущая свои границы «научность», подобная «человеку в футляре».

Для Татьяны Касаткиной и литература, и наука о литературе должны стать дверью, а не стеной на пути к той главной Встрече, которая необходима человеку, как хлеб наш насущный, и которая совершается со Степаном Трофимовичем Верховенским не тогда, когда он «освежает» свое представление о Евангелии чтением книги Ренана, а тогда, когда встреченная им книгоноша — Богородица, Софья-София (эта связь Сонечки Мармеладовой, книгоноши, матери подростка с образом Богородицы и Софии Премудрости Божией убедительно проведена в работах Татьяны Касаткиной) — читает ему Евангелие и он становится *свидетелем* о Боге любви, произнося свое исповедание веры, утверждающее вечность человека и победу над смертью:

> Мое бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к Нему любви в моем сердце. И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил Его и обрадовался любви моей — возможно ли, чтоб Он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть Бог, то и я бессмертен! Voilà ma profession de foi [Достоевский 1972–1990, т. 10, с. 505].

Христос является мостом, на котором происходит встреча Бога и человека, и одновременно — средоточием этой встречи. Но что принципиально важно для Достоевского и что убедительно показывает Татьяна Касаткина, этим мостом Христос может стать, только если он Богочеловек, соединяющий в себе две природы — божественную и человеческую и открывающий человеческой природе перспективу обожения. В противном случае и мир, и человек обречены на подмену, на прекрасную, но бессильную иллюзию, на «благие порывы», не выливающиеся ни в какое свершение. В книге о романе «Идиот», вызвавшей, как уж говорилось, многочисленные споры в связи с трактовкой образа главного героя, Карен Степанян, духовный собрат Татьяны Касаткиной, как и она, рассматривавший

творчество Достоевского сквозь призму христианского мироотношения, неразрывного с чаянием миропреображения, приводит запись писателя из подготовительных материалов к роману «Бесы»: «Христос — человек не есть Спаситель и Источник жизни» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 179], вскрывающую смысловой нерв «Идиота»: князь Мышкин, «положительно-прекрасный человек», но лишь человек, никого не спасает, а сцена преклонения перед ним Настасьи Филипповны в Павловском парке, сюжетно напоминающая сцену «встречи воскресшего Христа с Марией Магдалиной», «пронизана тоской, отчаянием, безнадежностью» [Степанян, 2001, с. 150].

«Для Достоевского очень важно было *воплощение* Вседержителя, принявшего на себя плоть, возлюбившего и помиловавшего ее» [Касаткина, 2001d, с. 72], — писала Татьяна Касаткина в своем разборе романа. В подтверждение этой мысли она приводила цитату, которая и в ее собственных работах, и в работах целого ряда достоевистов станет ключевой для характеристики образа веры писателя:

> «Да Христос и приходил за тем, чтоб человечество узнало, что знания, природа духа человеческого[1] может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале, что это и естественно и возможно. Этим и земля оправдана. Последователи Христа, обоготворившие эту просиявшую Плоть, засвидетельствовали в жесточайших муках, какое счастье носить в себе эту Плоть, подражать совершенству этого Образа и веровать в него во плоти. <...> Тут именно все дело, что Слово в самом деле плоть бысть» (11; 112–113) [Касаткина, 2001d, с. 72].

Ставя в центр творчества Достоевского проблему Боговоплощения, связывая религиозный идеал писателя с образом Богочеловека Христа, Татьяна Касаткина и Карен Степанян акцентировали вопрос об основах его поэтики, о путях воплощения веры в слове и образе. И на первый план здесь выдвигалась рефлексия о творческом методе Достоевского, который сам он определял как «реализм в высшем смысле».

---

[1] Татьяна Касаткина приводила цитату так, как она была представлена в «Полном собрании сочинений Достоевского». Б.Н. Тихомиров в 2000 году уточнил расшифровку: «земная природа духа человеческого» [Тихомиров, 2000, с. 234].

Уже в первых статьях о «реализме в высшем смысле», написанных друзьями-филологами, равно как и на круглом столе, посвященном этой теме, который состоялся 26 декабря 2002 года в рамках заседания Комиссии по изучению творчества Ф.М. Достоевского в ИМЛИ РАН, созданной Татьяной Касаткиной, говорилось, что метод Достоевского напрямую истекает из идеи Боговоплощения, из веры в то, что «Слово плоть бысть», предполагая неразрывность антропологии и христологии. Достоевский настраивает свой глаз так и так изображает своих персонажей, что в глубине каждой личности, даже самой маленькой и незаметной, даже самой ничтожной, вроде старушонки-процентщицы, проступает образ Творца: он может раскрыться во всей полноте, а может, напротив, быть замутнен и искажен, но никогда не стирается бесследно, даже в самых заскорузлых душах, в самых преступных сердцах. «И так же как человеку, персонажу, дано явить икону Божию, так же каждому событию у Достоевского дано явить собой бытие, истинное бытие, как оно однажды состоялось в Евангельской истории» [Круглый стол, 2004, с.], — говорила Татьяна Касаткина. А Карен Степанян дал замечательную и очень точную формулу «реализма в высшем смысле», подчеркнув, что Достоевский изображает мир и человека в перспективе их богочеловечности, «в будущей полноте Небесного Иерусалима» [Степанян, 2010, с. 123].

Помню, как на одном из международных симпозиумов по Достоевскому мы втроем — Татьяна Касаткина, Карен Степанян и я — долго ходили вечером по двору кампуса и обсуждали «реализм в высшем смысле». До сих пор живо во мне испытанное тогда удивительное ощущение единомыслия и единочувствия — радостное, вдохновляющее, духоподъемное. Мы разные, но мы суть одно. Это был опыт переживания слов Христа: «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). И одновременно — зосимовский опыт «соприкосновения мирам иным», точнее, тому будущему состоянию мира, «где мы будем — лица, не переставая сливаться со всем» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 174], о котором писал Достоевский в записи у гроба первой жены, воспроизводя образ неслиянно-нераздельного бытия по типу Троицы, к коему стремится приблизиться на земле человек. В опыте общения, «деятельной любви» и жертвы *другие,* чуждые, дальние становятся *друзьями*, происходит «природнение чужих», преодолевается разрозненность и раздробленность личностей, навсегда оставляя

в прошедшем раскольниковские углы и свидригайловские баньки с пауками.

Взгляд на Достоевского сквозь призму его «реализма в высшем смысле» определил всю дальнейшую работу Татьяны Касаткиной как филолога, философа, богослова и педагога. Спор о религиозной филологии был разрешен делом. За годы, протекшие с момента этого спора, вышел целый ряд ее прорывных работ в области исследования поэтики Достоевского, в которых она рассматривала художественный мир писателя на макро- и микро-уровне: слово, образ, цитата, мотив, композиция, художественная деталь, вплоть до орфографии и пунктуации, при этом избегая «ползучего эмпиризма», упирающегося в частность и одномерность, демонстрируя пример *другой научности*, где разные аспекты художественности слагаются в целостный мирообраз, неотделимый от Первообраза, а самый метод исследования открывает путь к миру, человеку и Богу.

Приведу всего лишь один пример. Говоря о роли детали в художественном мире Достоевского, детали не только возвышенной, но и бытовой, Татьяна Касаткина подчеркивает, что деталь, даже из области повседневности, меньше всего равна самой себе, фиксируя ту или иную сторону быта и в этой фиксации исчерпывая себя. Нет, деталь возводит от быта к бытию, раскрывает метафизическую сущность вещи. При этом сама вещь не выхолащивается, не предстает, как затем в символизме, только «отблеском» и «тенью» «от незримого очами». «Земная действительность не “погашается” Достоевским, а расцветает под его пером метафизическими смыслами, не возвышающимися над ней, а именно в ней и обретающими, и декларирующими свое присутствие» [Касаткина, 2015а, с. 11].

Каждая монография Татьяны Касаткиной выдвигает в центр внимания один из уровней поэтики Достоевского: монография «О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа “реализма в высшем смысле”» (М.: ИМЛИ РАН, 2004) рассматривает художественное слово писателя, монография «Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского» (М.: ИМЛИ РАН, 2015) — структуру образа и принципы выражения авторской позиции в его текстах, монография «Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания» (М.: Водолей, 2019) — «философские и богословские смыслы» произведений Достоевского, которые не декларируются дискурсивно-логически, но прорастают

в художественной ткани текста, а монография «“Мы будем — лица...” Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского» (М.: ИМЛИ РАН, 2023) обращена к теории, методике и практике чтения Достоевского. Но при этом в каждой из них вокруг главного исследовательского сюжета организуются *все* остальные сюжеты, и те, которые рассматривались в прошлых работах, и те, которые будут рассмотрены в будущих. Равно как все работы связуются друг с другом исследовательской оптикой, единством субъект-субъектного метода, нацеленного не на объективирование произведения, а на равноправное взаимодействие с ним, не на навязывание, а на раскрытие смысла, не на утверждение своего «я», а на слышание собеседника — Достоевского и тех писателей, поэтов, художников и мыслителей, с которыми он вступает в такой же субъект-субъектный диалог, ведя его в присутствии Третьего — Того, Кто есть «всё воплощенное Слово, Бог воплотившийся» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 188].

В процессе вживания в поэтику Достоевского, неразрывную с его образом мира, углубляются и уточняются результаты, полученные Татьяной Касаткиной в работах прошедших лет. С.Г. Бочаров в рецензии на «Характерологию Достоевского» упрекал ее автора в «культуроборчестве», см.: [Бочаров, 1999, с. 577], имея в виду представленное в книге рассуждение о европейской живописи, которая в процессе своей эволюции постепенно, но неуклонно теряла связь с иконой, тем самым утрачивая и установку на богочеловечность Христа. Картину Татьяна Касаткина представляла как «живопись зеркала», подчеркивая, что, в отличие от иконы, распахивающей дверь (или окно) в Божественное измерение реальности и тем самым задающей жизни перспективу преображения, картина зеркалит мир и человека, запирает их внутри самих себя, превращает восходящее движение в дурную бесконечность самоповтора, не имеющего шанса перейти ни в какое новое качество, см.: [Касаткина, 1996, с. 254]. Однако позднее манифестированная в книге «Характерология Достоевского» позиция «или — или» была трансформирована в «и — и», ибо антиномии и взаимоисключающие оппозиции, более приличествующие романтическому двоемирию с его «*Там* не будет вечно здесь», не вяжутся с «реализмом в высшем смысле», направленным не на отрицание, а на преображение, высветляющим, как «Свет Христов просвещает всех», самые темные и глухие глубины психики, самые плотные слои материи. «Реализм в высшем смысле»

особым образом настраивает глаз художника, обращая его к богосотворенному миру, а Бог, как гласит Книга Премудрости Соломона, «создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле» (Прем. 1:14).

Помещенная в книге «Священное в повседневном» глава «Запад и Восток о Богоявлении: пространство картины и икона в пространстве» иначе, нежели в книге «Характерология Достоевского» выстраивает соотношение европейской и русской живописи, посвященной сакральным сюжетам. Представление об «обмирщении» религиозной живописи в европейской традиции, «выветривании» христианского духа из западной культуры теперь кажется Татьяне Касаткиной не просто однобоким и плоским, но прямо неверным. Вещь в христианской культуре Европы предстает тем «местом, где является Бог»:

> Бог говорит с человеком вещами этого мира. <...> В вещах постигается «тайна Божия». Поэтому даже, скажем, «натурализм» Золя оказывается насквозь метафизическим. Никуда не деться от метафизики в культуре, где Бог говорит вещами. Сколько бы плоть не затопляла мир, всегда будет достаточно места для Бога, раз уж Он избрал плоть местом Своего присутствия... [Касаткина, 2015а, с. 72].

Картина уже не отзеркаливает реальность, а «заключает пространство исследуемого мира в себе самой и возводит ум к иному, постигает события Богооткровения через вещи мира» [Касаткина, 2015а, с. 105]. Икона и картина суть не взаимоисключающие противоположности, а два способа взаимодействия с Божественной реальностью: «<...> иконы (неважно, как они были созданы) по сути — нерукотворные, *посланные Господом к нам*; а картины — есть именно *создание твари в ее обращении к Творцу*» [Касаткина, 2015а, с. 105].

В книге «Священное в повседневном» показано, что именно на европейской — христианской — почве возникает то качество двусоставности образа, которое затем проявится у Достоевского, составляя основу «реализма в высшем смысле». Художественный образ, не теряя своей материальности и конкретности, заключает в себе во всей полноте Божественный первообраз, актуализирует евангельские события, заставляет переживать их так, как будто они не отделены от читателя и героя плотной завесой времени,

но происходят здесь и сейчас, и не с кем-то дальним, а с тобой и ближним твоим. Строя так образ, Достоевский создает ощущение соприсутствия, соучастия каждого из нас в новозаветной истории, которая не когда-то была, а «ныне есть», которая не завершилась, но совершается и взывает к сердцу, совести, воле.

И трактовка картины Ганса Гольбейна младшего «Христос в могиле», представшей в книге «Характерология Достоевского» как одно из проявлений обмирщенной живописи Европы, которая самим принципом изображения Христа «громко и открыто» заявила о Его небожественности («Мертвое тело сменило на “Распятии” Спасителя мира, будто раскрывающего миру руки для объятья, вновь принимающего его — отторгнутый от Бога грешной волей человека» [Касаткина, 1996, с. 254]), уточнилась и расширилась в процессе углубленного исследования европейской художественной традиции и, что особенно важно, не только по книгам и текстам, но в реальности живого опыта. Поездка в Базель, куда группа достоевистов отправилась совершенно по-достоевски «мысль разрешить», где мы, чтобы увидеть картину Ганса Гольбейна с того ракурса, с которого смотрел на нее Достоевский, объявивший автора картины «замечательным художником и поэтом» [Достоевская, 1993, с. 234], садились и даже ложились на пол галереи и громко обсуждали увиденное, дала радикальное изменение точки зрения на картину, висящую в доме Рогожина. Точнее, показала, что слова Мышкина о том, что от созерцания этой картины «вера может пропасть» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 182], актуальны для той реальности, которую воспроизводит мир «Идиота»: мир, где не было воскресения, где Христос — лишь человек, а значит бытие навеки обречено пребывать в тисках болезни, страдания, смерти. Для самого Достоевского, как и для современников Гольбейна, картина «Христос в могиле» означала другое. На ней было запечатлено то, о чем позднее напишет Борис Пастернак в стихотворении «На Страстной», входящем в цикл стихотворений Юрия Живаго: «Смерть можно будет побороть / Усильем воскресенья!» Вот это «усилье воскресенья» и изображает Гольбейн на картине, которая так вдохновила писателя. Разбирая картину Гольбейна «после знакомства с подлинником», Татьяна Касаткина отмечала, что она «по своему статусу была выполнена *как надгробье*» и изображала отнюдь не торжество смерти, напротив Христос был здесь представлен *«в первом движении воскресения»*, как «первенец из

умерших», за которым должны последовать «лежащие в гробах под Ним»:

> Он как бы первый из череды восстающих из гроба (и трупные пятна, и весь ужас смерти, который в полноте удалось передать Гольбейну, как бы *обнадеживают* следующих за Ним: вот, Он был таким же, как вы, — и воскрес!), и каждый следующий за ним в движении воскресения, естественно, будет заключать в себе Образ Шедшего впереди [Касаткина, 2015а, с. 110].

Это отсутствие догматизма в собственных выводах, настойчивое движение в сторону углубления темы, расширения ее смыслового объема, уточнения полученных ранее результатов — характерная черта Татьяны Касаткиной как исследователя и творца. В ее мышлении нет окостенелости и догматизма, нет «чугунных идей», нет толстовского стремления соответствовать раз и навсегда высказанной когда-то программе. Но какой бы вид и объем ни приобретала ее мысль, центром незыблемо остается тот взгляд на человека «в перспективе Бога» [Касаткина, 2023, с. 119], который составляет сердцевину христианства и сердцевину миросозерцания Достоевского.

Держа в уме пример Татьяны Касаткиной, можно отчасти найти ответ на идущий в достоевистике спор, пережил ли Достоевский на каторге «перерождение убеждений» и являются ли докаторжное и послекаторжное творчество писателя абсолютно различными творческими периодами, построенными на несводимых, а подчас и взаимоисключающих основаниях, или же мы можем говорить о целостном творчестве, которое при расширении и развитии обладает внутренним смысловым и духовным единством, подобно росту растения: сначала это семя, брошенное в землю, потом — росток, пробивающийся из почвы, потом цветок и наконец созревший плод, но при всех своих трансформациях перед нами один и тот же организм. Так, земляника, вырастая, не может превратиться в ромашку, а ромашка стать незабудкой.

Статьи, книги, интервью Татьяны Касаткиной, как и романы «великого пятикнижия» Достоевского, «Дневник писателя», эпистолярий, представляют собой единый текст, где мир, как и в творчестве писателя, «еще раз творится словом» [Касаткина, 2004, с. 472]. В этот текст входят и подготовленные ею издания, выстроенные так, чтобы открыть читателю *доступ* к пониманию

Достоевского, и здесь важно все: композиция, состав, комментарий. Для Татьяны Касаткиной смысл комментария — не в отягощении читателя энциклопедическими сведениями, мало что дающими для понимания целого, а подчас и пускающими мысль читателя по ложному руслу, а в раскрытии авторской логики, что неизбежно требует — в случае реального комментария — объяснения того, в каком смысле и контексте предстает у писателя та или иная реалия. Более того, «неадекватное авторскому понимание реалии оказывается способно перекрыть читателю доступ к заложенным автором уровням восприятия текста, изменить базовые координаты текста, отменить ряд операций автора по встраиванию цитаты в свой собственный контекст» [Касаткина, 2023, с. 14]. Цитата не только не равна тому смыслу, который она имеет в исходном тексте, но подчас и радикально меняет его, и потому простое указание на источник цитаты ничего не дает читателю для понимания того целого, частью которого она становится. Для того чтобы это понимание возникло, необходимо толкование реалии в контексте целого, раскрытие тех новых связей, в которые она вступает, а главное — коль скоро речь идет о реалиях в произведениях Достоевского, у которого совершенно особое понимание реальности и реализма, необходимо движение в ту религиозную глубину, на которой и раскрывается подлинный объем всякого явления и всякой вещи.

Субъект-субъектный метод, который утверждает Татьяна Касаткина как универсальный метод гуманитарного знания, по-новому выстраивает и педагогику. В ученике он побуждает видеть лицо. В педагоге — не надсмотрщика, а спутника и собеседника, который нацелен на диалог и не боится неудобных вопросов. А главное — открывает ученику путь к выходу за пределы своего «я», к взаимодействию с другими личностями, с миром во всей его полноте и с Богом, Который, как замечательно сказала Татьяна Касаткина в программе «Парсуна», «на нас надеется», надеется буквально на каждого, а значит каждый может быть делателем, потому что «у Бога нет других рук, кроме наших» [Касаткина, 2020].

Многие годы Татьяна Касаткина ведет Международные юношеские чтения Достоевского в Старой Руссе. Помню, как поразила меня еще в начальные годы чтений царившая там атмосфера всамделишности и серьезности. В чтениях не было никакой имитации, которой столь часто сопровождается проектная работа учащихся и смотры-конкурсы этих работ, где много глянца, пиара, наград, но

ничтожен тот творческий КПД, который производят пресловутые смотры. В юношеских чтениях все по-другому. И не случайно эти чтения в свое время стали точкой вхождения в филологию для таких авторитетных исследователей творчества Достоевского, как Николай Подосокорский.

Отсутствие формализма, внешнего менторства, навязчивого учительства свойственно и отношению Татьяны Касаткиной к своим аспирантам, студентам, слушателям лекций, равно как и к сотрудникам Научно-исследовательского центра «Достоевский и мировая культура» и одноименного журнала ИМЛИ. Глядя на сотрудников центра, понимаю, что упование Достоевского на мировую гармонию отнюдь не фантазия и принцип «исполните на себе сами, и все за вами пойдут» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 83] намного эффективнее всевозможных управленческих механизмов, превращающих человека в функцию, не видящих его *лица*. Сотрудники центра — соработники на достоевской и Божией ниве — поистине «новые люди, Христовы дети» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 164]. И чаемое «Мы будем — лица...» — это про них.

Последняя книга Татьяны Касаткиной, посвященная аналитико-синтетическому чтению произведений Достоевского и обращенная не только к исследователям, но и к педагогам, студентам, вообще — к *читателям*, не случайно названа этой цитатой. Как в книге «Мы будем — лица», так и в других выступлениях Татьяны Касаткиной, касающихся проблем преподавания литературы в школе и аксиологии чтения, задается главный вопрос: на что, в конечном итоге, должны быть ориентированы усилия учителя литературы. Должен ли учитель сформировать у учащихся определенные «компетенции», оставляя в стороне внутреннее содержание личности, ее глубинные запросы и вопросы, ее боль и растерянность, ее одиночество и непонимание, для чего она вообще живет и действует в этом мире, или, входя вместе с учениками в мир художественного произведения — в данном случае в мир Достоевского, — содействовать пониманию авторского замысла и через этот труд понимания, взаимодействия с мыслью писателя и друг с другом, причем такого, при котором учишься не выпячивать свое «я», а слышать другого (и самого Достоевского, и сотоварища по разбору произведения), двигаться к духовному и нравственному совершеннолетию, объем которого по-настоящему раскрывается в свете Христовой заповеди «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48).

Цель такого чтения — та же, что у героя романа Достоевского «Подросток», который переродил себя самим процессом записывания. В процессе аналитико-синтетического чтения, подобного действию закваски, сбраживающей тесто, росту евангельского «горчичного зерна», читатель внутренне меняется, дорастая, как замечательно пишет Татьяна Касаткина, до подлинной своей природы, в глубине которой — образ Троицы, примиряющий правду личности и правду общности, когда «мы — одно, и одновременно каждый из нас незаменим и уникален», причем «незаменимость и уникальность каждого существа <...> обнаруживается во всем своем величии только тогда, когда мы — одно» [Касаткина, 2023, с. 13].

Филологическая работа Татьяны Касаткиной и представляет собой разворачивающийся во времени опыт аналитико-синтетического чтения, ведущего к пониманию слова Достоевского, его художественной мысли, его мирообраза, и одновременно обращенного к читателю, который стоит на пороге встречи с писателем, обретая свободу «остаться в прежней идее» или выйти за пределы своего обособленного, одинокого «я», выработаться в личность, расширяющую свое сердце любовью. В ее книгах, статьях, интервью, на проводимых ею семинарах и мастер-классах по медленному чтению разбираются не только романы «великого пятикнижия»: «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы», но и «Дневник писателя» в единстве его публицистических глав и художественных текстов, и ранние произведения Достоевского, и такие ключевые для его антропологии тексты, как «Записки из подполья», как запись «Маша лежит на столе...» и набросок статьи «Социализм и христианство», в которых Т.А. Касаткина видит то обнаженное, прямое, лишенное обиняков и умалчиваний, слово Достоевского о мире и человеке в их подлинном объеме и конечном задании, которое высказывается художественно в симфоническом целом его романов и повестей, в «фантастическом рассказе» «Сон смешного человека» и «Мальчике у Христа на елке».

На постижение этого слова писателя и должен, по мысли Татьяны Касаткиной, работать инструментарий филолога, и если он работает должным образом, то именно филологический анализ текста оказывается путем к постижению художественной мысли Достоевского, его философии и богословия, где слово о Боге и слово о человеке становятся единым словом: «Достоевский говорит о Христе — как о грани человека и Бога, как о человеке на грани

Бога, как о Боге на грани человека» [Касаткина, 2023, с. 102]. Нераздельность слова о Боге и слова о человеке выявляет в личности ее подлинную природу, которую она не опознает, а значит стушевывает, когда же опознает, для нее меняется вся перспектива вещей.

Татьяна Касаткина в своих работах анализирует те ситуации в творчестве Достоевского, когда место, казавшееся адом, при внутреннем изменении «я», отрицающегося своего эгоизма и совершающего жертву любви, преображается в рай. В знаменитой записи: «Жизнь есть рай, ключи у нас» [Достоевский 1972–1990, т. 15, с. 245] она видит ключ к картине мира самого Достоевского и соотносит ее с записью: «Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем...», в которой манифестирован *иной* закон бытия, противоположный эгоистической, пожирающей самости, тому «взаимному стеснению и вытеснению», о котором, как о законе падшего мира говорил Николай Федоров и которому противопоставлял свою «Молитву о всеобщем спасении»:

> Отче наш! Боже отцов, не мертвых, а живых! Сподоби нас соделаться орудиями, достойными святой воли Твоей, не хотящей погибели ни единого, но да вси в разум истины приидут, дабы жить нам не для себя, не для корысти, не для борьбы с себе подобными, не для взаимного истребления; но и не для других, живущих также для себя, для взаимного стеснения и вытеснения. Сподоби нас, соделавшись Твоими орудиями, жить со всеми живущими для всех умерших, чтобы для нас, сынов, отцы из мертвых стали живыми, дабы мы, по Твоему подобию созданные, и стали Тебе подобными, дабы свершающееся в храме таинственно, стало явным вне храма [Федоров, 1995–2000, т. 2, с. 47–48].

Идеал внехрамовой литургии, что звучит здесь у Федорова, наполняет и творчество Достоевского, где храмом, в котором приносится Евхаристическая жертва, оказывается весь Божий мир. И потому слова о рае, который восстанавливает человек на земле, и о том, что «Мы будем — лица...», распространяются у писателя не только на социум, но и на природу. Человек, несущий в себе образ Божий, должен быть не губителем, а спасителем твари, не владыкой, а братом и водителем к совершенству. В одной из небольших, но емких статей, рассматривая взаимоотношения человека с природой в творчестве Достоевского, Татьяна Касаткина, опираясь на слова

ап. Павла о страдающей твари, которая «с надеждой ожидает откровения сынов Божиих» (Рим. 8:19), писала о «долге христианина перед землей и ее обитателями», вверженными во власть страдания и смерти безвинно, и о том, что «человек может стать *во главе*» живого творения, «повести его к соединению с “мирами иными”, стать на место, изначально предназначенное для человека Господом и впервые занятое Христом» [Касаткина, 2002, с. 312].

Когда я читала эту статью, вспоминала рассказ Татьяны Касаткиной о себе. Заканчивая школу, она собиралась стать биологом. И тогда мама мудро направила ее поработать на ферму телятницей — чтобы соприкоснуться с живой природой не головно, а реально. «И вот, когда моих теляток, которых я мыла, чистила, выпаивала из соски, повезли на бойню, я поняла, что не стану биологом». Размышляя над этими словами в свете дальнейшего пути Татьяны Касаткиной, понимаю, что биология в ее позитивистском обличье, утверждающая природу в ее данности, закон вытеснения и борьбы существ в его естественности, убийство другого существа — как пищевую или санитарную норму, — была бы в качестве поприща для нее невозможна[2]. И Татьяна Касаткина стала филологом. А творчество Достоевского, которым занимается она всю свою жизнь, с тех пор, как в 11 лет прочла роман «Идиот» [Касаткина, 2020], открыло

[2] Произнеся это «категорическое» суждение, понимаю, что оно создано в той дуалистической системе координат, которая как раз глубоко чужда и Достоевскому, и самой Татьяне Касаткиной как людям тринитарного типа мышления. Думаю, что, если бы Татьяна Касаткина все-таки стала биологом, она произвела бы такой же мировоззренческий сдвиг в биологии, как произвела его в филологии, утвердила бы биологию как науку о чуде жизни и человека, которым предлежит проявить в себе Божественный первообраз, подобно семени, раскрыться и дорасти до своей подлинной нормы. Как убедительно показал в свое время П.А. Кропоткин, в самом порядке природы действует не только закон борьбы и соперничества, но и фактор взаимопомощи, см. [Кропоткин, 2007]. И именно этот сверхприродный, этический фактор значим для будущего жизни, обретающей в человеке своего главу и водителя.

В недрах наличного строя мира завязывается и вызревает образ будущего единства твари. И идея эволюции может быть понята так, как понимали ее Ж.Б. Ламарк, К. Бэр, Д. Дана, Л. Берг, В.И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден, видевшие в глубине развития живого импульс к совершенствованию и утверждавшие направленность эволюционного процесса, присутствие в его глубинах некоей «“идеальной” программы, стремящейся к своей реализации», см.: [Семенова, 2020, с. 11–15]. В таком ракурсе эволюция не противостоит шестодневу Творения, но утверждает его, см. [Ильин, 1930]. В самой природе вызревает и раскрывается высший, божеский порядок вещей. Космогенез переходит в ноогенез, а тот в свою очередь кульминирует в Христогенезе, христианство, соединяя «в едином жизненном акте и Вселенную, и личность», задает вектор развития: именно «через него проходит главная ось мировой эволюции», см.: [Тейяр, 2002, с. 309, 310].

путь к преодолению того порядка вещей, при котором одна особь пожирает другую, а человек, созданный по образу и подобию Божию, но утративший это подобие, вынужден эксплуатировать животных ради дления собственной жизни. Для христианского сердца, помнящего пророчество Исаии о соборе всей твари в Царствии Божием, наличный порядок природы при всем впечатлении его нормальности и законности, является беззаконием и искажением нормы. И об этой подлинной норме природного устроения — о рае, который восстанавливает человек на земле, о братски-любовном единстве творения, запечатленном в пророчестве-заповеди «Мы будем — лица...», пишет и говорит Татьяна Касаткина, выстраивая, как и философ Татьяна Горичева, ее сестра в культуре и духе, образ подлинного христианского отношения к природе, основы христианской экологии.

Татьяна Горичева и Татьяна Касаткина — одного поля ягоды. У обеих — смелость и честность, органическое отвращение ко всякого рода приспособленчеству и лукавым компромиссам. Обе исповедуют христианство как творческую силу мира, как единственную по-настоящему прочную опору жизни и действия. Обе несут в себе образ веры, которая утверждает себя в свободе и любви. Это вера, которая никого не принуждает к вере и «христианскому поведению», никого не окорачивает, не «тащит в рай», но *свидетельствует о Христе* жизнью и делом.

Думается, именно поэтому книги Татьяны Касаткиной воспринимаются как глоток воздуха, как живое, творящее слово, спасающее культуру, заваленную грудами мертвых, дурно пахнущих слов. Их ждут не только исследователи Достоевского и русской литературы, но и читатели, люди самых разных профессий, разного уровня образования, разного статуса. Ждут не только книги, но и интервью, лекции, видеозаписи, посты в соцсетях. В этом внимании и ожидании нет никакого культа, никакого нездорового кумиропоклонничества. Это свободное, равноправное, личностное вопрошание, это стремление «мысль разрешить», во всем «дойти до самой сути», понять «чесо ради создан бысть человек».

В неопубликованной книге о Н.Ф. Федорове философ Владимир Ильин так обозначил образ взаимодействия личностей, который несет христианство и который укоренен в Тринитарном догмате: «Человек человеку — лицо Пресвятой Троицы» [Ильин, л. 12].

Именно этот образ раскрывается в творчестве Достоевского. Он же одушевляет мысль и жизнь Татьяны Касаткиной.

P.S. Когда я писала эту статью, пытаясь понять и осмыслить путь Татьяны Касаткиной, счастье общения и творческой дружбы с которой, сопровождает меня все эти годы, прошедшие с момента первой встречи в Старой Руссе, труднее всего мне было писать о моем друге и собеседнике в третьем лице. Возникало кричащее противоречие между содержанием и формой, между утверждением ценности субъект-субъектного подхода к культуре и этим «третьим лицом», привычным для объективирующего научного дискурса. Более того, ощущение некоего недопустимого самоуправства, хорошо передаваемого словами народной песни: «Без меня меня женили», не оставляло меня до последней написанной строчки. Все острее я понимала, как плохо подходит избранная мною форма научной статьи в толстом журнале для того, чтобы сказать об огромном смысловом сдвиге, который был совершен Татьяной Касаткиной и в понимании Достоевского, и в методологии гуманитарных наук, и в утверждении подлинного статуса филологии — как слова, возводящего к Слову, чтобы передать то впечатление удивительной цельности, внутренней свободы, евангельского бесстрашия, которое рождают тексты Татьяны и которое только подкрепляется личным общением. Здесь была бы нужна иная форма высказывания. Нечто вроде эпистолярного диалога, своего рода переписки из двух углов, или разговора на семинаре, конференции, в кулуарах, когда звучит не твое слово о собеседнике, а твое слово к собеседнику и когда не скажешь стоящему перед тобой человеку: «он», а скажешь: «Вы» или «ты».

В докладе-статье «О литературоведении, научности и религиозном мышлении» Татьяна Касаткина размышляла об «истории науки», входящей в круг почтенных академических дисциплин и занятий, подчеркивая, что научное познание чувствует в ней себя, как в своей тарелке, но при этом неизбежно редуцирует, схематизирует и упрощает исследуемое явление, омертвляет и пришпиливает его на иголку классификации, как бабочку из гербария, не побуждает к диалогу, а навязывает правила толкования. *Прямыми* словами Татьяны Касаткиной, сказанными 22 года назад, но звучащими так, как будто они произнесены здесь, сейчас и в ответ, мне и хочется завершить мое слово:

<...> история науки страшна своей объективирующей силой и, следовательно, безапелляционными оценками. В «истории науки» плодотворность исчезает и остаются одни «односторонности». Ведь автор пишет (если использовать терминологию Бубера) не для того, чтобы о нем сказали «он» (это мания величия, и если она не изжита, то это беда и болезнь, как любая затянувшаяся инфантильность), а для того, чтобы ему сказали «ты» — и только это продуктивно, только это чревато новым. Изложение, пересказ "его" только мертвит автора, оставляя от него лишь сухую плоскую схему, которая неверна, как любая схема, но, как любая схема, может служить не результатом познания, но орудием его. Результат же облекает схему живой плотью, и эта-то плоть и исчезает, как правило, в пересказах «его» (всего ведь не расскажешь) — а она-то и есть смысл труда, а не схема. Говоря автору «ты», споря и соглашаясь, интерпретируя те же факты, что и он, ему противопоставляют другую схему (ибо у каждого истинного исследователя свой инструмент), но усваивают всю «плоть» работы — открытые путем схемы *смыслы.* Видимо, не следует интерпретировать интерпретатора. С интерпретатором нужно *говорить* (а это предполагает *общность темы*) — и только тогда он становится понимаем — не *до* начала разговора, а только в процессе его [Касаткина, 2001а, с. 466–467].

Список литературы

1. Бочаров, 1997 — *Бочаров С.Г.* От имени Достоевского // Новый мир. 1997. № 7. С. 197–204.
2. Бочаров, 1999 — *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.
3. Достоевская, 1993 — *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. 453 с.
4. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Ильин — *Ильин В.Н.* Николай Федорович Федоров. Философия общего дела. Машинопись. Библиотека № 180 им. Н.Ф. Федорова.
6. Ильин, 1930 — *Ильин В.Н.* Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира. Paris: YMCA-press, 1930. 230 с.
7. Касаткина, 1993 — *Касаткина Т.А.* Хорошее отношение к лошадям // Достоевский и современность. Материалы Старорусских чтений. Часть II. Новгород, 1993. С. 70–72.
8. Касаткина, 1996 — *Касаткина Т.А.* Характерология Достоевского. М.: Наследие, 1996. 336 с.

9. Касаткина, 2001a — *Касаткина Т.А.* О литературоведении, научности и религиозном мышлении // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М.: Наследие, 2001. С. 461–467.

10. Касаткина, 2001b — *Касаткина Т.А.* После литературоведения // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М.: Наследие, 2001. С. 468–482.

11. Касаткина, 2001c — *Касаткина Т.А.* Предисловие // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 3–6.

12. Касаткина, 2001d — *Касаткина Т.А.* Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 60–99.

13. Касаткина, 2002 — *Касаткина Т.А.* Взаимоотношения человека с природой в христианском миросозерцании Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Материалы Международной конференции, состоявшейся в Университете Тиба (Япония) 22–25 августа 2000 года. М., 2002. С. 304–313.

14. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 479 с.

15. Касаткина, 2015a — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 529 с.

16. Касаткина, 2015b — Путеводитель ко Христу для не читавших Евангелия. Беседа о Достоевском с культурологом Татьяной Касаткиной // Православная жизнь. Дата публикации: 25.11.2015. URL: https://pravlife.org/ru/content/putevoditel-ko-hristu-dlya-ne-chitavshih-evangeliya-beseda-o-dostoevskom-s-kulturologom/ (дата обращения: 26.07.2023).

17. Касаткина, 2017 — *Касаткина Т.А.* О субъект-субъектном методе чтения // Новый мир. 2017. № 1. С. 126–144.

18. Касаткина, 2018 — *Касаткина Т.А.* Философия восприятия литературы и искусства: о субъект-субъектном методе чтения // Русская литература и философия: Пути взаимодействия. М.: Водолей, 2018. С. 15–30.

19. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.

20. Касаткина, 2020 — Парсуна: Татьяна Касаткина. Авторская программа Владимира Легойды. Дата выхода программы: 9 февраля 2020. URL https://youtu.be/VdviQhk0AIM (дата обращения: 26.07.2023).

21. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

22. Кропоткин, 2007 — *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.

23. Непомнящий, 1998 — *Непомнящий В.С.* Феномен Пушкина в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–215.

24. Семенова, 2020 — *Семенова С.Г.* Созидание будущего: Философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. 458 с.

25. Степанян, 2001 — *Степанян К.А.* Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 137–162.

26. Степанян, 2010 — *Степанян К.А.* Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с.

27. Тейяр де Шарден, 2002 — *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. Вселенская месса. М.: Айрис-пресс, 2002. 352 с.

28. Федоров, 1995–2000 — Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Прогресс-Традиция, 1995–2000.

References

1. Bocharov, S.G. “Ot imeni Dostoevskogo” [“In the Name of Dostoevsky”]. *Novyi mir*, vol. 1997, no. 7, 1997, pp. 197–204. (In Russ.)

2. Bocharov, S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [*Plots of Russian Literature*]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 1999. 632 p. (In Russ.)

3. Dostoevskaia, A.G. *Dnevnik 1867 goda* [*Diary 1867*]. Moscow, Nauka, 1993. 453 p. (In Russ.)

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

5. Il’in, V.N. *Nikolai Fedorovich Fedorov. Filosofiia obshchego dela* [*Nikolay Fedorovich Fedorov. The Philosophy of the Common Cause*]. Mashinopis’. Biblioteka № 180 im. N.F. Fedorova.

6. Il’in, V.N. *Shest’ dnei tvoreniya: Bibliya i nauka o tvorenii i proiskhozhdenii mira* [*Six Days of Creation. The Bible and the Science of Creation and the Origin of the World*]. Paris, YMCA-press Publ. (In Russ.)

7. Kasatkina, T.A. “Khoroshee otnoshenie k loshadiam” [“A Good Relationship with Horses”]. *Dostoevskii i sovremennost’. Materialy Starorusskikh chtenii* [*Dostoevsky and Contemporary Age. Materials from the Staraia Russa Readings*]. Part II. Novgorod, 1993, pp. 70–72. (In Russ.)

8. Kasatkina, T.A. *Kharakterologiia Dostoevskogo* [*Characterology of Dostoevsky*]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 336 p. (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. “O literaturovedenii, nauchnosti i religioznom myshlenii” [“On Literary Studies, Scholarship, and Religious Thinking”]. *Literaturovedenie kak problema. Trudy Nauchnogo soveta “Nauka o literature v kontekste nauk o kul’ture”.* [*Literature Studies as a Problem. Proceedings of the Scientific Council “Literature Science in the Context of Cultural Studies.”*]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 461–467. (In Russ.)

10. Kasatkina, T.A. “Posle literaturovedeniia” [“After Literary Studies”]. *Literaturovedenie kak problema. Trudy Nauchnogo soveta “Nauka o literature v kontekste nauk o kul’ture”.* [*Literature Studies as a Problem. Proceedings of the Scientific Council “Literature Science in the Context of Cultural Studies.”*]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 468–482. (In Russ.)

11. Kasatkina, T.A. “Predislovie” [“Preface”]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo “Idiot”: sovremennoe sostoianie izucheniia. Sbornik rabot otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [*Dostoevsky’s Novel* The Idiot*: Current State of Research. Collection of Works by Russian and Foreign Scholars*]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 3–6. (In Russ.)

12. Kasatkina, T.A. “Rol’ khudozhestvennoi detali i osobennosti funktsionirovaniia slova v romane F.M. Dostoevskogo ‘Idiot’” [“The Role of Artistic Detail and the Peculiarities of Word Functioning in Dostoevsky’s Novel *The Idiot*”]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo “Idiot”: sovremennoe sostoianie izucheniia. Sbornik rabot otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [*Dostoevsky’s Novel* The Idiot*: Current State of Research. Collection of Works by Russian and Foreign Scholars*]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 60–99. (In Russ.)

13. Kasatkina, T.A. “Vzaimootnosheniia cheloveka s prirodoi v khristianskom mirosotsertzanii Dostoevskogo” [“Man’s Relationship with Nature in Dostoevsky’s Christian Worldview”]. *XXI vek glazami Dostoevskogo: perspektivy chelovechestva. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, sostoiavsheisia v Universitete Tiba (Iaponiia) 22–25 avgusta 2000 goda* [*The 21st Century through the Eyes of Dostoevsky: Perspectives of Humanity. Proceedings of the International Conference Held at Tiba University (Japan) from August 22 to 25, 2000*]. Moscow, 2002, pp. 304–313. (In Russ.)

14. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost’ slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vysshem smysle”* [*On the Creative Nature of Words. The Ontology of Words in F.M. Dostoevsky’s Works as the Basis of “Realism in the Highest Sense”*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 479 p. (In Russ.)

15. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

16. Kasatkina, T.A. “Putevoditel ko Khristu dlia ne chitavshikh Evangeliia. Beseda o Dostoevskom s kul’turologom Tat’ianoi Kasatkinoi” [“A Guide to Christ for Those Who Have Not Read the Gospels. A Conversation about Dostoevsky with Cultural Scholar Tatiana Kasatkina”]. *Pravoslavnaia zhizn’*, 25 Nov. 2015. Available at: https://pravlife.org/ru/content/putevoditel-ko-hristu-dlya-ne-chitavshih-evangeliya-beseda-o-dostoevskom-s-kulturologom/ (Accessed 26 Jul. 2023) (In Russ.)

17. Kasatkina, T.A. “O sub’’ekt-sub’’ektnom metode chteniia” [“About the Method From-Subject-To-Subject”]. *Novyi mir*, no. 1, 2017, pp. 126–144. (In Russ.)

18. Kasatkina, T.A. “Filosofiia vospriiatiia literatury i iskusstva: o sub’’ekt-sub’’ektnom metode chteniia” [“The Philosophy of Literature and the Perception of Art: On the Reading Method From-Subject-To-Subject”]. *Russkaia literatura i filosofiia: Puti vzaimodeistviia* [*Russian Literature and Philosophy: Paths of Interaction*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018, pp. 15–30. (In Russ.)

19. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: The Artistic Way of Expression*]. Moscow, Vodolei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

20. Kasatkina, T.A. “Parsuna: Tat’iana Kasatkina. Avtorskaia programma Vladimira Legoidy” [“Parsuna: Tatiana Kasatkina. An Author’s Program by Vladimir Legoyda”]. *Youtube*, 9 Feb. 2020. Available at: https://youtu.be/VdviQhk0AIM (Accessed 26 July 2023) (In Russ.)

21. Kasatkina, T.A. *“My budem — litsa...” Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* [*“We Will Be Faces/Persons...” An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky’s Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

22. Kropotkin, P.A. *Vzaimopomoshch’ kak faktor evoliutsii* [*Mutual Assistance as a Factor of Evolution*]. Moscow, Samoobrazovanie Publ., 2007. 240 p. (In Russ.)

23. Nepomniashchii, V.S. “Fenomen Pushkina v svete ochevidnostei” [“The Phenomenon of Pushkin in the Light of Obviousness”]. *Novyi mir*, no. 6, 1998, pp. 190–215. (In Russ.)

24. Semenova, S.G. *Sozidanie budushchego: filosofiia russkogo kosmizma* [*Creating the Future: The Philosophy of Russian Cosmism*]. Moscow, Nookratiia Publ., 2020. 468 p. (In Russ.)

25. Stepanian, K.A. "Iurodstvo i bezumie, smert' i voskresenie, bytie i nebytie v romane 'Idiot'" ["Foolishness and Madness, Death and Resurrection, Existence and Non-Existence in the Novel *The Idiot*"]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoianie izucheniia. Sbornik rabot otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [*Dostoevsky's Novel* The Idiot*: Current State of Research. Collection of Works by Russian and Foreign Scholars*]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 137–162. (In Russ.)

26. Stepanian, K.A. *Iavlenie i dialog v romanakh F.M. Dostoevskogo* [*Phenomenon and Dialogue in Dostoevsky's Novels*]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)

27. Teilhard de Chardin, Pierre. *Fenomen cheloveka. Vselenskaya messa* [*The Phenomenon of Man. Universal Mass*]. Moscow, Airis-press Publ., 2002. 352 p. (In Russ.)

28. Fedorov, N.F. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [*Collected Works: in 4 vols*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 1995–2000. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.08.2023
Одобрена после рецензирования: 04.08.2023
Принята к публикации: 05.08.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 02 Aug. 2023
Approved after reviewing: 04 Aug. 2023
Accepted for publication: 05 Aug. 2023
Date of publication: 25 Sept. 2023